

Ростислав Иванович Сементковский
Е. Ф. Канкрин. Его жизнь и
государственная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175652

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	5
Глава I	8
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Р. И. Сементковский
Е. Ф. Канкрин
Его жизнь и государственная
деятельность
Биографический очерк
С портретом Канкрина,
гравированным в С.-
Петербурге К. Адтом**

“Фарисей благодарит Бога за то, что у него больше, чем у других, и успокаивается на этом, но у меня сердце обливается кровью: все еще существуют рабы, крепостные, ирландские крестьяне, английские фабричные рабочие и пролетарии более или менее везде... Я сделал что мог”.

Канкрин

Введение

Граф Егор Францевич Канкрин признается самым замечательным из русских министров финансов. Эту славу он приобрел недаром. Достаточно указать на две его заслуги, чтобы понять, какое громадное значение он имел для русской государственной и народной жизни: во-первых, благодаря его финансовым и административным способностям, Отечественная война – эта грандиозная катастрофа в жизни русского народа – обошлась в денежном отношении неимоверно дешево, и поэтому графа Канкрин несомненно следует причислить к героям нашей Отечественной войны наряду с теми героями, которые на полях битвы стяжали себе благодарность потомства; во-вторых, он совершил то, чего не удалось совершить ни до, ни после него ни одному из русских министров финансов: он восстановил денежную нашу систему, расстроенную до последней крайности и вызывавшую бесчисленные жертвы в народном хозяйстве, – восстановил ценность нашего рубля после беспримерного его падения. Этих двух заслуг было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в русской истории. Но его жизнь и деятельность чрезвычайно интересны и глубоко поучительны еще и в других отношениях. Граф Канкрин жил и действовал в такое время, когда личная инициатива играла весьма слабую роль, когда, казалось, весьма трудно было занимать на государственной службе видный пост и при этом сохранить полную свою самостоятельность. В этом отношении Канкрин представляет собой деятеля совершенно исключительного. В николаевское время он не только остался верен себе с начала до конца, ни на йоту не изменил своим убеждениям, но сумел добиться их торжества в жизни, не подчиняясь никому, а, напротив, заставляя других подчиняться себе. Глубокая поучительность жизни и деятельности Канкрин выяснится еще более, если мы прибавим, что он в течение всей своей жизни боролся не из-за личных выгод, а для идеи, для народной пользы, как он ее понимал, и никогда не прибегал к каким бы то ни было недостойным приемам, к лести, интригам. Напротив, он всегда был правдив и честен не только в целях, которые преследовал, но и в средствах, которые применял. С этой точки зрения Канкрин можно назвать идеальным деятелем. Когда он был министром финансов, все подкапывались под него, все против него интриговали: этим интригам и козням он противопоставлял *дело*, и этот аргумент оказался столь непреложным и сильным, что Канкрин сохранил свое влиятельное положение до той минуты, когда старость и болезнь вычеркнули его из рядов работников на пользу народную. Все это заставляет нас причислить Канкрин к замечательнейшим деятелям первой половины XIX века. Он был не только выдающимся министром финансов, но и цельным характером в лучшем значении этого слова, никогда не вступавшим в сделки со своею совестью и горячо, по своему разумению, защищавшим благо народа. В этом отношении личность его заслуживает особенного внимания: политические, экономические и финансовые его теории во многом оказавшиеся несостоятельными, были уже несостоятельны в его время и поэтому могут быть без всякого вреда для потомства забыты; его экономическая деятельность, основанная на этих теориях, также оказывается несостоятельной во многом, хотя в других отношениях она, как мы видели, и дала блестящие результаты; но его преданность народному делу, его умение служить ему, его выдержка, поистине заслуживающая названия железной, приемы, при помощи которых он добивался своей цели в самое трудное и неблагоприятное для проявления личной инициативы время, будут еще долго, если не всегда, служить достойным подражания примером. Если же принять еще во внимание, что он был иностранец и до конца своей жизни даже не научился правильно писать и говорить по-русски, то деятельность его представится нам поучительной еще и в другом отношении: мы увидим, что может сделать для России даже человек, лишенный чувства патриотизма в физиологическом значении этого слова, когда его воодушевляет идея народного блага, когда он умеет служить ей

и готов жертвовать для нее всеми другими интересами. Вот с этой точки зрения я и постараюсь познакомить читателей с жизнью и деятельностью Егора Францевича Канкрина.

Представить полную его характеристику в тесных рамках общедоступной биографии – задача нелегкая. Канкрин ждет еще своего биографа: ему в этом отношении посчастливилось меньше, чем Сперанскому и Мордвинову, нашедших себе более или менее компетентных биографов. Жизнеописания Канкрина, весьма немногочисленные, отличаются краткостью, односторонностью, скудостью данных. Чтобы ознакомить читателей с литературой этого вопроса и дать им возможность ориентироваться в ней, мы коснемся здесь тех трудов, которыми мы сами пользовались при составлении этого биографического очерка. Первое место тут занимают, понятно, сочинения самого Канкрина. Мы приводим их в хронологическом порядке, потому что до сих пор полного списка их в нашей литературе нет.

1. Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Freiheitskriege, в двух частях, Altona, 1797 и 1798 (“Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение”).

2. Fragmente uber die Kriegskunst nach Gesichtspunkten der Militarischen Philisophi, St.-Petersburg, 1809; второе издание вышло в Брауншвейге (“Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии”).

3. Weltreichrum, Nationalreichtuin und Staatswirtschaft, Munchen, 1821 (“Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство”).

4. Ueber die Militar-Oekonomie im Frieden und Kriege und ihr Wechselverhaltniss zu den Operationen, St.-Petersburg, 1820 – 1823 (“О военной экономии во время мира и войны и ее отношении к военным операциям”).

5. Die Elemente des Schonen in der Baukunst, St.-Petersburg, 1836 (“Элементы прекрасного в зодчестве”).

6. Phantasiebilder eines Blinden, Berlin, 1845 (“Фантазии слепого”).

7. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaft und das Finanzwesen, von einem ehemaligen Finanzminister, Stuttgart, 1845 (“Экономия человеческого общества и финансов, соч. бывшего министра финансов”. Это единственное сочинение Канкрина, под предисловием которого поставлена фамилия автора).

8. Aus den Reisetagebuchern des Grafen Kankrin. Aus den Jahren 1840 – 1845. Mit einer Lebensskizze Kankrin's, herausgegeben von A. Grafen Keyserling, Braunschweig, 1865 (“Из путевых дневников графа Канкрина 1840 – 1845 гг. с биографическим очерком Канкрина. Издание графа А. Кейзерлинга”).

9. Im Ural und Altai. Brifewechsel zwischen A. Humboldt und dem Grafen Kankrin, aus den Jahren 1827 – 1832, Leipzig, 1869 (“На Урале и Алтае, переписка между А. Гумбольдтом и графом Канкриным, 1827 – 1832”).

10. Из числа более обстоятельных записок, составленных Канкриным, особенного внимания заслуживают: а) “Recherches sur Torigine et Tabolition du vasselage ou de la feodalite des cultivateurs, surtout en Russie”, 1816 (“Исследование о происхождении и отмене крепостного права, или зависимости земледельцев, особенно в России”. “Русский архив” за 1865); б) Записка “относительно походов против турок от 21-го августа 1819 г.”. “Военный сборник”, т. 99; в) “Замечания министра финансов графа Канкрина” на проект учреждения для управления губернии 1825 г. в

“Материалах, собранных для комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений”, 1870, ч. 1.

Во всей русской и иностранной литературе существует только одно сколько-нибудь обстоятельное жизнеописание Канкрин, составленное его зятем, графом Кейзерлингом. Оно изложено на пятидесяти страницах, разгонисто напечатанных, и, конечно, несколько односторонне, так как принадлежит близкому родственнику. К тому же оно неполно: объять и оценить обширную научную, литературную и государственную деятельность Канкрин на немногих страницах немыслимо. Биография графа Кейзерлинга помещена, как указано, в виде предисловия к путевым дневникам самого Канкрин. Краткое извлечение из этой биографии с немногими дополнениями читатель найдет в “Русском архиве” за 1866 год. Вторая, несколько более подробная, оценка *деятельности* графа Канкрин (но не биография) принадлежит неизвестному автору и помещена в “Journal de St. Petersbourg” за 1860 год (№ 137 – 143) под заглавием “George Cancrine”. Наконец третья, опять-таки очень краткая, биография вошла в книги г-на Скальковского: “Наши государственные и общественные деятели” и “Les ministres des finances de la Russie”, 1891 года, пользовавшегося преимущественно двумя первыми жизнеописаниями с присоединением весьма неполных данных из наших исторических журналов. Все остальные жизнеописания Канкрин (“Очерк жизни и деятельности графа Канкрин”, СПб., 1866 г., и разные некрологи и статьи, помещенные в русских журналах и газетах: в “Библиотеке для чтения” за 1864 год, в “Отечественных записках” за 1865 и 1866 годы, в “Иллюстрированной газете” за 1866 год, во “Всемирной иллюстрации” за 1874 год, в “С.-Петербургских ведомостях” за 1865 и 1866 годы, в “Русском архиве” за 1867 год, в “Деятельности” за 1868 год и т.д.) не содержат почти никаких новых данных или соображений, кроме тех, которые встречаются в вышеупомянутых биографиях. Отсюда видно, как неполна работа по освещению жизни Канкрин. Оценка его финансовой деятельности, в частности, имеет более обширную литературу, но и она должна быть признана весьма недостаточной. Внимательное чтение по возможности всех журнальных и газетных статей, посвященных этому вопросу, убедило нас, что при критике финансовой деятельности Канкрин имелись главным образом в виду только две точки зрения: одни осуждали, другие хвалили Канкрин за его протекционные стремления. С этой стороны и писали преимущественно о Канкрине. Вопрос о восстановлении металлического обращения имеет также очень скромную литературу. Самый полный труд принадлежит остзейскому немцу, г-ну Шмидту. Это – его магистерская диссертация: “Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin”¹, СПб., 1875 г. Затем мы можем указать на статью проф. Бунге: “Мысли графа Канкрин о бумажных деньгах”, помещенную в “Русском вестнике” за 1864 год, и на общие исследования по нашему денежному обращению (Горлова, Кауфмана, Гольдмана, Безобразова, Бунге, Брикнера и др.). Совершенно не разработан вопрос о деятельности Канкрин по продовольствованию нашей армии во время Отечественной войны. Эта деятельность, доставившая Канкрину видное место в ряду наших администраторов, осталась покрытой густым мраком. Наконец ни один из биографов графа Канкрин не попытался еще сколько-нибудь всесторонне осветить общее его мировоззрение и его личность, представить объективную ее характеристику, так что приходится собирать отрывочные данные, разбросанные понемногу везде, чтобы составить себе более или менее ясное представление о личных качествах и недостатках этого выдающегося русского государственного деятеля первой половины XIX века. Попытаемся же объединить все эти материалы и, устранив из них все непроверенное или очевидно ложное, представить, насколько возможно, полную характеристику жизни и деятельности самого замечательного из русских министров финансов.

¹ “Русские финансы во времена финансового правления графа Канкрин” (нем.).

Глава I

Происхождение Канкрина. – Его отец. – Детство и студенческие годы. – Роман Канкрина. – Его приезд в Россию. – Жизненные невзгоды. – Канкрин и Аракчеев. – Кто, собственно, составил план кампании 1812 года. – Назначение Канкрина генерал-интендантом

Канкрин родился 16 ноября 1774 года, хотя он сам праздновал день своего рождения 26 ноября, соединяя его с именинами. Родиной его был немецкий городок Ганау в тогдашнем Гессенском курфюршестве. О происхождении Канкрина существуют две версии: Вигель в своих “Воспоминаниях”, Рибопьер в своих “Записках”, Дизраэли в своем знаменитом романе “Coningsby” приписывают ему еврейское происхождение; Вигель даже прямо утверждает, что дед его был ученый раввин. На самом деле Канкрин был не еврей, а немец. Дед его был горным чиновником, предки – пасторами и офицерами. Догадка о еврейском происхождении Канкрина сложилась, вероятно, отчасти вследствие естественной склонности евреев причислять к своим соплеменникам кого только можно, отчасти вследствие того, что Канкрин действительно соединял в себе много характеристических черт еврейского племени: у него был живой темперамент, чрезвычайно острый ум, он любил науку и литературные занятия и в то же время отлично уяснял себе требования реальной жизни, был чрезвычайно практичен, расчетлив и вместе с тем увлекался поэзией, искусством, любил прекрасное во всех его проявлениях, а сам производил далеко не эстетическое впечатление как своими резкими, угловатыми манерами, так, главным образом, небрежностью в костюме.

Отец его, Франц Людвиг Канкрин, был очень видным деятелем своего времени, хотя и в узкой только специальности. Его сочинения по технологии, архитектуре, горному делу, юридическим вопросам составляют маленькую библиотеку, – так они многочисленны. Из них некоторые сохранили значение и до сих пор, как, например, его труд о “Горном соляном деле” и о “Правах владельцев земли на прилегающие к ним водные пространства” (“Abhandlung vom Wasserrecht”).² Благодаря своим глубоким знаниям, теоретическим и практическим, он скоро выдвинулся в служебной иерархии своего отечества, Гессенского курфюршества, но резкий и суровый его нрав повредил дальнейшей его карьере. Он плохо уживался с порядками, господствовавшими при мелких германских дворах. Между одной из придворных дам, любимицей курфюрста, и женой Канкрина-отца произошла размолвка, кончившаяся тем, что он подал немедленно в отставку и перебрался на службу к маркграфу в Ансбах, где заведовал горным, соляным и строительным делами: многочисленность германских дворов служила, как известно, до некоторой степени коррективом “отеческих” отношений, господствовавших при этих дворах. Впрочем, Канкрин-отец отличался, должно быть, по выражению его сына, уж очень “строптивым нравом”, потому что он и в Ансбахе плохо ужил и, несмотря на крайнее нерасположение переселиться в “отдаленную и варварскую” Россию, воспользовался сделанным ему русским правительством предложением и в 1783 году переселился в наше отечество, оставив малолетнего сына на родине.

Предложение ему было сделано блестящее, что свидетельствовало о том, что он приобрел громкую известность как замечательный техник: ему назначено было жалованье в 2 тысячи руб., подъемных – 3 тысячи и на случай его смерти вдове – пенсия в 2 тысячи руб. По тогдашнему времени это были значительные деньги. Есть указание, что в России, тотчас по приезде Канкрина-отца, его знания ценились высоко. Так, например, в бумагах Н. В. Сушкова сохранилась собственноручная записка Екатерины II Храповицкому следующего содержания: “1784 г. 21 декабря. Канкрейну показать лесной заготовленный устав”. Отсюда

² “Трактат о водном законодательстве” (нем.).

можно вывести заключение, что Канкрин-отец привлекался к участию в работах по изданию нашего законодательства технического характера. С другой стороны, граф Безбородко писал о нем его начальнику, новгородскому наместнику Архарову: “Чтобы мнения и представления его как человека, исполненного обширных по соляной части знаний, уважаемы были”. На видное положение, которое он занимал в России, указывают и льготы, которыми он пользовался. Так, несколько лет спустя после переезда в Россию он мог с сохранением своего содержания уехать для поправления здоровья и для ученых работ на родину и прожить там восемь лет, так что окончательное его переселение в наше отечество состоялось только в 1796 году, а в 1797 году переселился в Россию и его знаменитый сын.

О том, как жил, развивался и учился последний в школьном возрасте, известно весьма мало. Мне не удалось даже собрать сведения о том, где он, собственно, учился и жил. Известно только, что до восьмилетнего возраста он жил в Ганау, то есть в городке, где и родился. Я отмечаю это обстоятельство, потому что оно, по моему мнению, имеет немаловажное значение. Впечатления ранней молодости и детства бывают обыкновенно очень сильны, особенно у таких нервных и впечатлительных людей, каким был Канкрин. Ганау в конце прошлого столетия был городком, насчитывавшим, вероятно, не больше трех-четырёх тысяч жителей. Он отличался от других городков только чрезвычайно развитой промышленностью. В конце XVI века искали в нем убежища от религиозных преследований многие фламандцы и валлоны, трудолюбивое и промышленное население, основавшее в Ганау, как и в других немецких городах, многие отрасли промышленности, процветающие и до сих пор. На родине нашего Канкрина они занимались преимущественно изготовлением серебряных и золотых изделий, шерстяных и шелковых тканей. Их кипевшие жизнью мастерские распространяли в городе и окрестной местности благосостояние, и, конечно, картина этой кипучей деятельности трудолюбивого населения глубоко врезалась в память впечатлительного ребенка. Кроме того, не следует упускать из виду, что отец Канкрина постоянно занимался техническими вопросами горного, соляного, монетного и строительного дела. Таким образом, вероятно, тут кроется уже источник того пристрастия, которое Канкрин всю свою жизнь питал к развитой промышленности, к горному, монетному и строительному делу и которое легло в значительной степени в основание его замечательной государственной деятельности. Где обучался Канкрин в возрасте от 8 до 13 лет, остается неизвестным; когда же ему было 13 лет, отец его вернулся на родину и прожил в Гессене восемь почти лет, то есть захватил все то время, когда Канкрин кончал гимназический и университетский курс. Нет, впрочем, сомнения, что Канкрин получил классическое образование, так как он до старости не забыл латинского языка. Он поступил сперва в Гессенский университет, но, очевидно, остался недоволен преподаванием в этом университете и записался в число студентов Марбургского университета, где и окончил блестящим образом курс в 1794 году. Изучал он в университете преимущественно юридические и камеральные науки и оставил в своих товарищах самые лучшие воспоминания: они передают, что Канкрин стремился ко всему прекрасному и благородному и даже основал товарищеский кружок с целью поддерживать в его членах любовь к идеальным благам. О его тогдашнем настроении лучше всего свидетельствует написанный им еще в студенческое время и появившийся в 1797 году роман под заглавием: “Дагобер, роман из теперешней войны за освобождение”. Мы не станем передавать содержания этого романа молодого Канкрина, потому что он по фабуле своей мало отличается от других романов того бурного времени, когда стремление к свободе выражалось в героических действиях и патетических возгласах, когда людьми овладевали страстные порывы, и те, кто сам не участвовал в грандиозных событиях того времени, изливали соответственное настроение на бумагу. Как во всех романах, любовь в “Дагобере” играет, конечно, главную роль. *Она* имеет брата, а *он* нечаянно убивает его; отсюда трагический элемент; кончается же дело тем, что возлюбленные решаются жить по толстовскому рецепту,

как брат и сестра. Но это оказывается неудобноисполнимым, и, когда страсть заставляет их броситься в объятия друг другу, роковой выстрел лишает их одновременно жизни. Но любопытна в этом романе, конечно, не фабула, а то, что автор вплетает в него много рассуждений и сентенций, в которых сказывается уже недюжинный ум. Чрезвычайно интересна, например, характеристика философии Канта, относительно которой автор говорит, что она нам истины не открывает, но что она нас приближает к ней и, как гениальный порыв в этом направлении, возбуждает к себе сочувствие; чрезвычайно любопытно и то, что автор, воодушевленный горячим стремлением к свободе, как бы уже задается одновременно вопросом о способах наиболее верного ее достижения, что он, признавая свободу и безопасность целью государства, в то же время проводит мысль, что его усилия должны быть направлены к достижению не столько счастья граждан, сколько величия страны, что счастье является понятием слишком неопределенным, что надо стремиться к тем условиям, которые, обеспечивая благосостояние масс, в то же время обеспечивают и процветание государства. Словом, в этом первом литературном произведении Канкрин встречаются уже те мысли, которые он впоследствии развил в других более зрелых своих литературных трудах и в значительной степени осуществил в своей замечательной государственной деятельности.

Мы отметили все эти факты из детства и молодости Канкрин, чтобы выяснить зачатки того душевного настроения, которое сделало из Канкрин чрезвычайно оригинальную личность, соединяющую в себе черты, редко встречающиеся в одном человеке: на чисто идеалистической почве вырастает крупный практик, не только стремящийся к идеальным благам, но и способный осуществлять их в жизни с редкою энергией и умением. Уже в молодом Канкрине поклонник красоты, сторонник добра, автор романа, в котором прославляется свобода и стремление бороться за благополучие народных масс, соединяются с холодным и внимательным наблюдателем промышленной жизни и с деятелем, горячо преданным трезвому знанию, науке. Все эти черты сохранились в Канкрине до конца его дней, до тех печальных недель и месяцев, когда он, живой труп, все еще со страстным вниманием и с неослабшею умственной ясностью следил за всем, что волновало и заботило лучших деятелей его времени.

На первых порах он натолкнулся на значительные жизненные невзгоды. Отцу удалось выхлопотать для него чин “правительственного советника”, но место Канкрин получить на родине не мог, несмотря даже на блестящие дарования, которые он проявил, будучи студентом. “Суровый нрав” отца, безусловно честного, но малосговорчивого и непокладистого деятеля, не способного на сделки с совестью, повредил и сыну. В 1796 году Канкрин-отец вернулся в Россию и снова вступил в отправление своих обязанностей в качестве директора старорусских солеварен. В следующем же году он выписал в Россию и своего сына, страдавшего на родине от бездеятельности и недостатка материальных средств. Таким образом, наш будущий министр финансов приехал в Россию в 1797 году, в царствование императора Павла Петровича.

Вид Петербурга (Канкрин, понятно, приехал морем) произвел на него тягостное впечатление. Нева, украсившаяся впоследствии, отчасти благодаря его стараниям, красивыми и даже величественными зданиями, представляла тогда довольно пустынный вид. Незнакомая обстановка, чужие люди, чуждые ему и по языку, и по нравам, и по костюму, настроили его так уныло, что он готов был все бросить и с первым же случаем возвратиться на родину. Предчувствие его вначале не обмануло: ему пришлось испытать горькие разочарования, тяжелые лишения, вызвавшие даже весьма опасную болезнь. Отцу удалось выхлопотать для сына видный чин. Двадцатитрехлетний Канкрин был сразу переименован из “правительственных” в “надворные” советники, но должности он никакой не получил. Напротив, чин-то ему главным образом и повредил, потому что надворного советника нельзя было определить на какую-нибудь мелкую должность, а сколько-нибудь видный пост он, вследствие

полного незнакомства с нашими административными порядками и русским языком, получить не мог. Молодой человек страшно бедствовал, терпел нужду и голод, сам чинил себе платье и сапоги, вынужден был отказаться от курения табака. Вероятно, в это время, то есть в течение шести лет, которые он провел в большой бедности, от окончания университетского курса до получения хорошего места, в нем выработалась привычка к бережливости, которую он сохранил в течение всей своей жизни: простой и умеренный образ жизни составлял одну из отличительных черт Канкрин в сравнении с его товарищами по службе. Он даже пересаливал в этом отношении: так, например, впоследствии, будучи министром финансов, Канкрин изгнал из употребления сургуч, заменив его клеем, и этим вызвал банкротство нескольких сургучных фабрик; в домашнем быту проявлял также чрезвычайную экономию, что навлекло на него упрек в скупости, – упрек, впрочем, совершенно незаслуженный, так как, когда дело шло о том, чтобы помочь бедным и нуждавшимся, он всегда первым протягивал руку помощи. В нем не было черствости души, этого отличительного признака скупого человека, напротив, душа у него, как мы увидим, всегда была сострадательная, отзывчивая к чужому горю. Не совсем выясненным остается, однако, то обстоятельство, почему Канкрин терпел такую сильную нужду. Вот что говорится об этом в его путевых дневниках: “Бедственное положение моих родителей (однако отец его, как мы видели, получал хорошее жалованье) – мой отец был раньше приглашен в Россию, но плохо уживался в стране, – неопределенное будущее, домашние неприятности, в которых я, впрочем, не был виноват, повергли меня в долголетние, опасные для жизни болезни. Счастливая случайность, аномалия (eine Anomalie) изменили мою судьбу”. В чем заключался этот странный счастливый случай, остается неизвестным. Мы знаем только, что до 1800 года бедственное положение Канкрин не прекращалось. В это время он пробовал учительствовать, был комиссионером, поступил бухгалтером в контору богатого откупщика, – словом, занимался чем попало.

Жизненные его невзгоды прекратились до некоторой степени в 1800 году, когда он был назначен помощником к своему отцу, продолжавшему состоять директором старорусских солеварен. При нем он оставался три года, помог ему привести их в образцовый порядок и в то же время ближе знакомился с нашим отечеством и с русским народом. Поступил молодой Канкрин на действительную службу и получил место с определенным содержанием благодаря покровительству тогдашнего вице-канцлера, графа Остермана, которому он представил записку об улучшении овцеводства в России и который сразу оценил знания и способности будущего министра. Вероятно, благодаря покровительству того же Остермана, он в 1803 году был переведен в министерство внутренних дел, в экспедицию государственных имуществ по соляному отделу. В своих воспоминаниях Вигель следующим образом характеризует Канкрин того времени: “Он ни над кем не начальствовал, а служащие изъявляли ему особенное уважение”. Эту крайнюю простоту в обращении Канкрин сохранил и впоследствии, заняв положение влиятельнейшего государственного деятеля, как он сумел сохранить за собой и уважение бесчисленного множества лиц, с которыми сталкивала его судьба при исполнении его обширных и ответственных обязанностей. Должно быть, его знания и способности бросались всем в глаза и производили такое сильное впечатление, что даже унаследованные им от отца суровость нрава и резкость обхождения с людьми не могли затемнить или скрыть его достоинств. Мы действительно видим, что на Канкрин как правительством, так и частными лицами, возлагаются разные поручения, что в его услугах начинают нуждаться. На первых порах к нему обращаются по делам его специальности, то есть по лесному и соляному делу. К нему, между прочим, обратился в это время и позднейший знаменитый временщик, граф Аракчеев. Их встреча бросает довольно яркий свет на Канкрин. Рекомендован он был Аракчееву, кажется, бароном Пирхом, начальником нашей артиллерии в Финляндии и преподавателем Аракчеева. Последний потребовал к себе Канкрин через его начальника, министра внутренних дел Козодавлева. Канкрин явился, и Аракчеев обратился к нему на “ты”, пред-

лагая ему заняться лесоустройством в своем имении. Канкрин выслушал его, посмотрел ему резко в глаза и, ничего не ответив, повернулся и ушел. Тогда Аракчеев потребовал от министра внутренних дел, чтобы он прикомандировал к нему Канкрин. Это было исполнено, и Канкрину пришлось явиться к своему начальнику в качестве лица подчиненного. “Ты мною недоволен, – обратился Аракчеев к нему, – но не сердись; мы пообедаем вместе и потом займемся делами”. Урок подействовал, и Аракчеев всегда очень любезно и предупредительно обращался впоследствии с Канкриным.

Но и правительство давало ему разные поручения сначала по его специальности, а потом и по другим делам. Таким образом он объездил многие губернии для ревизии или устройства лесного хозяйства и соляных промыслов. Все поручения Канкрин исполнял так хорошо, что на него посыпались награды. Но он не только добросовестно исполнял возложенные на него поручения, а, кроме того, внимательно знакомился с Россией, с ее естественными богатствами и народом. Тогда уже Канкрин научился бегло, хотя и не вполне правильно говорить по-русски и в своих речах постоянно начал прибегать к метким русским пословицам. О том, какие впечатления он вынес из своих командировок, свидетельствует следующий факт. Между прочим, Канкрин был прикомандирован к сенатору Поликарпову, очень светлой личности того времени, посланному в некоторые губернии с поручением помочь голодающим. Поликарпов утверждал, что если ему удалось с успехом исполнить это поручение, то, главным образом, благодаря редкой распорядительности молодого Канкрин. Канкрин же впоследствии, когда уже состоял министром финансов, узнав, что вдова покойного Поликарпова находится в Петербурге, поспешил к ней, чтобы приветствовать ее, и при этом сказал ей, что он хранит самое лучшее воспоминание о ее покойном муже, который первый научил его любить русский народ. Тогда уже сложилось в Канкрине то чувство преданности второму своему отечеству, которое заставило его впоследствии отклонить самые блестящие предложения других правительств. В душе его не осталось и следа того впечатления, которое он вынес, подъезжая к Петербургу, и которое чуть было не заставило его бросить все и вернуться на родину. Он уже тогда чувствовал себя русским и твердо решил посвятить себя России.

В 1809 году Канкрин был назначен инспектором всех петербургских иностранных колоний уже в чине статского советника. Сохранились данные, свидетельствующие о том, что и тут он был вполне на месте, но, очевидно, деятельность эта показалась ему слишком узкой. Проживал Канкрин тогда зимой в Петербурге, летом – в Стрельне, и мы имеем известия, что он в это время возвратился к своим прежним литературным трудам, посещал немецкий театр и писал обстоятельные рецензии, помещая их в газетах. Но, кроме того, он тогда же задумал и написал один чрезвычайно интересный труд, имевший несомненный успех и сильно повлиявший на дальнейшую его карьеру. Как почти все сочинения Канкрин, и этот труд – “Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии” – вышел анонимно, причем выдержал два издания и обратил на Канкрин внимание всего тогдашнего военного мира, между прочим военного министра Барклая-де-Толли и преподавателя императора Александра I, генерала Пфуля. Автор “Войны и мира” изображает генерала Пфуля сухим военным теоретиком, лишенным практического смысла. Таким он был, по-видимому, в действительности, потому что сооруженный им лагерь при Дриссе, по отзыву военных специалистов, производил впечатление, как выразился маркиз Паулуччи, дела рук “сумасшедшего или изменника”. Но, с другой стороны, окончательно выяснилось, что идея пользования естественными условиями (обширностью территории, климатом) для одержания победы над Наполеоном, идея непрерывного отступления исходила от генерала Пфуля и вообще немецкой военной партии, в отличие от русской, требовавшей натиска, смелого нападения на вторгшегося в пределы России неприятеля. И вот что интересно: тотчас после появления упомянутого труда Канкрин, в котором также проводится эта идея, он был

приглашен к генералу Пфулю и начал с ним работать ежедневно по вечерам. Мало того, сам император живо заинтересовался личностью Канкринина и потребовал точной справки о нем. Ему было доложено, что Канкрин “очень знающий и способный человек, но *un peu dur*”³.

Очевидно, труд Канкринина произвел чрезвычайно сильное впечатление на военные авторитеты того времени, если такой влиятельный деятель, каким был тогда генерал Пфуль, счел нужным заручиться близким участием Канкринина в разработке плана предстоявшей войны. Равным образом трудно предположить, чтобы генерал Пфуль, выдумавший впоследствии пресловутый дрисский лагерь, был сам убежденным сторонником кунктаторской⁴ войны. Скорее надо предположить, что он не вполне усвоил себе чужую идею, и многое заставляет думать, что она впервые пришла на ум Канкрину. Во всяком случае, в деле разработки и практического осуществления этой идеи вопрос о снабжении армии необходимым продовольствием играл весьма существенную роль, и мы действительно видим, что Канкрин назначается сперва помощником генерал-провиантмейстера с чином действительного статского советника (в 1811 году), а затем в самом начале войны – генерал-интендантом первой западной армии и вскоре всех действующих войск. Таким образом, в жизни Канкринина начинается новый период, о котором мы уже говорили, что он составляет блестящую его заслугу и дает ему право быть причисленным к самым видным деятелям Отечественной войны.

³ жесткий, бескомпромиссный (*фр.*)

⁴ нерешительной, медленной (*лат.*)

Глава II

Деятельность Канкринна во время Отечественной войны. – Громадные сбережения, сделанные им. – О Канкрине начинают забывать. – Его записка об освобождении крестьян. – Ее последствия. – Женитьба Канкринна. – Его отставка. – Пророчество Сперанского. – Труды, написанные Канкринным во время его бездействия. – Теория и практика

Состоя помощником генерал-провиантмейстера, Канкрин уже был душой сложного предприятия снабжения громадной армии всем ей необходимым. Действующие войска были, как известно, разделены на три армии, и отдельные отряды были разбросаны на громадном пространстве, так что задача Канкринна чрезвычайно усложнялась. Нельзя при этом упускать из виду, что если и во второй половине нашего столетия предупреждение всевозможных злоупотреблений, растрат и хищений наталкивается на почти непреодолимые препятствия при низком нравственном уровне многих административных деятелей, то в начале нынешнего столетия это было вдвойне трудно. Несмотря на патриотическое воодушевление, охватившее народ, на его готовность приносить громадные жертвы для отражения неприятеля и изгнания его из пределов страны, находилось, к сожалению, очень много людей, готовых воспользоваться народным бедствием для личного обогащения: одни жертвовали, другие старались присвоить себе пожертвованное добро. Таким образом, требовалось много энергии, распорядительности и бескорыстия, чтобы обеспечить экономное и удовлетворительное снабжение армии. Эту трудную и сложную задачу Канкрин разрешил более чем удовлетворительно. По свидетельству многих современников, русская армия во время войн 1812 – 1815 годов ни в чем не нуждалась, а были такие критические моменты, как, например, после сражения при Бауцене, когда вследствие быстрого наступательного движения нашей армии все обозы отстали и чрезвычайно было трудно найти необходимые жизненные припасы для продовольствования громадной массы людей, сосредоточенных в одном пункте. Император Александр призвал тогда к себе Канкринна и обратился к нему со следующими словами: “Мы находимся в очень дурном положении. Если ты найдешь средства добыть необходимые припасы, то я тебя вознагражу так, как ты этого не ожидаешь”. Канкрин добыл все необходимые жизненные припасы. Вообще он проявил изумительную распорядительность, и Кутузов постоянно совещался с ним. Так, до перехода русских войск через Неман, Канкрин представил в Мерече Кутузову разработанный во всех подробностях план дальнейшего движения наших войск и их снабжения. Незадолго до смерти Кутузов говорил с ним о плане кампании и потребовал, чтобы он письменно изложил свое мнение, потому что оно вполне совпадает с его собственным планом. Вслед за тем он сказал Канкрину: “Я показывал твою бумагу императору, и он удивился твоим глубоким знаниям в военном деле”. После битвы при Ватерлоо Канкрин составил план движения двухсоттысячной армии на Париж, и его план лег в основание тогдашних военных операций.

Независимо от этого он разрешал свою трудную задачу с замечательной гуманностью. Читая его путевые дневники, мы видим, с каким глубоким состраданием он относился к народным бедствиям. Общее разорение, голод, трупы, встречавшиеся на каждом шагу, – все это наполняло его душу скорбью, внушало ему отвращение к войне и связывало его новыми узами с русским народом. Где только было можно, он заступался за обывателей. Под Москвой удерживал Растопчина от овладевшей им страсти сжигать окрестные села и деревни, убеждая его в том, что это совершенно бесцельно; в Калише он чуть было не вышел в отставку вследствие столкновения с великим князем Константином Павловичем, потому что взял под свою защиту жителей одного города против злоупотреблений военного начальства. Только благодаря заступничеству Кутузова дело уладилось. Кутузов решительно заявил

великому князю: “Если вы будете устранять людей, мне крайне нужных, таких, которых нельзя приобрести и за миллионы, то я сам не могу оставаться в должности”.

При такой распорядительности и блестящих административных способностях Канкрин неудивительно, что и союзные правительства поминутно пользовались его услугами. Собственно, на нем лежала сложная задача продовольствования всех союзных армий во время походов 1813 – 1815 годов. Мы не можем входить здесь в подробный разбор тех приемов, при помощи которых ему удалось справиться со своей трудной задачей. Сам Канкрин, впрочем, разъяснил эти приемы сперва в краткой записке, представленной императору Александру I в 1815 году, и затем в своем обширном труде о “Военной экономии”, составленном им в начале двадцатых годов и представляющем собой как бы общий вывод из вынесенного им во время Отечественной войны опыта. Мы здесь укажем только на общие результаты, достигнутые Канкриным.

Отечественная война стоила России, по всеподданнейшему отчету Барклая-де-Толли, составленному Канкриным, – 157 с половиной млн. руб. Эта цифра поражает своею скромностью. Четыре года мы вели войну, и притом один только год в пределах самой России, а заграничная война, как известно, стоит особенно дорого. Не забудем, что для ведения последней наглее войны с Турцией России пришлось сделать долг в 1 200 млн., что первый год крымской кампании обошелся России в 300 млн., и мы будем поражены ничтожною цифрою наших военных расходов во время Отечественной войны. Правда, к ней надо прибавить 100 млн. частных пожертвований и 135 млн. субсидий, выплаченных нам Англией. Но и в таком случае мы получим только около 400 млн., то есть военные расходы составили в год не более 100 млн. Так как вся денежная часть, все дело продовольствования и обмундирования армии лежали на Канкрине, то заслуга столь экономного ведения грандиозной войны должна быть всецело приписана ему. Эта заслуга выяснится еще более, если мы укажем на некоторые факты, малоизвестные вследствие равнодушия, с каким мы относимся к заслугам наших деятелей. Так, Канкрин поразил однажды императора Александра сбережением в 26 млн. из ассигнованных на ведение войны сумм. При расчетах с союзными правительствами по продовольствованию наших войск за границу, Канкрин уплатил только одну *шестую* часть, доказав, что все остальные претензии не имеют законного основания. Для этого потребовалась громадная работа: надо было проверить все счета и квитанции. Мало того, надо было противостоять всем искушениям, а искушения эти были велики, потому что Канкрин являлся полновластным хозяином, был человеком совершенно необеспеченным, и ему предлагались миллионы в случае одобрения тех или других претензий. Россия выплатила союзным правительствам 60 млн., составивших, как мы уже заметили, *шестую* часть всех претензий: если бы не честность и распорядительность Канкрин, она, следовательно, уплатила бы гораздо больше, и эта сумма легла бы тяжелым бременем на разоренный войной русский народ. Если же принять еще во внимание, что распорядительность Канкрин проявлялась и в тысяче других вопросов, связанных с продовольствованием громадной армии, то мы должны будем признать, что в общем он сберег несколько сот миллионов, а если мы сопоставим в этом отношении деятельность Канкрин с деятельностью других лиц, заведовавших продовольствованием наших армий в последующие войны, когда, несмотря на громадные суммы, затраченные правительством, войска наши бывали в самом печальном положении, когда сапоги солдат оказывались гнилыми, ветер разносил приобретенное за большие деньги сено, а хлеб был непригоден даже для кормления скота, то мы невольно тут вспомним лермонтовский стих:

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.*

На Канкрине оправдался отчасти и дальнейший стих этой знаменитой строфы: “Плохая им досталась доля”. После войны он был забыт. Награды сыпались на него во время Отечественной войны, когда в нем нуждались, когда без него трудно было обойтись, когда он поминутно слишком наглядными фактами убеждал, как полезна и необходима его деятельность. Ему пожалован был общий генеральский мундир (первый факт этого рода), а затем он был произведен и в генерал-лейтенанты. Это повышение по службе состоялось после того, как он подал в 1815 году общий отчет о ходе возложенных на него обязанностей. Отчет этот появился в печати только сорок два года спустя, после крымской кампании, и произвел тогда общую сенсацию, потому что читатели невольно сопоставляли то, что было достигнуто Канкриным, с теми безотрадными результатами, которые выяснились во время крымской кампании: в эту вторую нашу войну с Европой все указания Канкрин насчет целесообразного продовольствования армии не были соблюдены.

После Отечественной войны Канкрину пришлось долгое время находиться при главной квартире, расположенной в Могилевской губернии. Насколько известно, он жил попеременно то в Орше, то в Могилеве, то в Шклове. Служебные его отношения становились все безотраднее. В Петербурге о нем как будто совершенно забыли; он напомнил о себе, но это не послужило ему на пользу.

Чем же он напомнил о себе? Мы видели уже, что Канкрин полюбил наш народ и горячо принимал к сердцу его интересы. В Белоруссии, где он теперь жил, ему на каждом шагу представлялась безотрадная картина полного разорения крестьян. Война истощила край, но, по мнению Канкрин, по глубокому его убеждению, вынесенному путем обстоятельного изучения края, в бедствиях, претерпеваемых народом, была виновата не одна только война: были еще и другие причины полного обнищания крестьян. “Земледелие нигде не делает у нас настоящих успехов, потому что до сих пор все усилия сельских хозяев были обращены не столько на улучшение быта крестьян, сколько к их угнетению. Увеличить поборы с земледельца – единственная цель помещиков”. Эти слова взяты нами из записки Канкрин, посланной им императору Александру I 24 февраля 1818 года из Орши. Первоначально эта записка была напечатана в “Русском архиве” в 1865 году, причем указано, что она составлена по повелению государя. Но это не подтверждается. Канкрин препроводил свою записку об освобождении крестьян от крепостной зависимости через графа Нессельроде при письме следующего содержания:

“Прилагаемое странное (*singulier*) рассуждение я хотел подать Государю, но не имел к тому случая по кратковременности его здешнего пребывания (Государь проезжал тогда через Могилевскую губернию в Варшаву). Принимаю смелость просить ваше сиятельство о представлении моего рассуждения Его Величеству; в противном случае потрудитесь возвратить мне его. Признаюсь, этот вопрос давно уже лежит у меня на сердце, а когда я увидел, как в Москве все общество недовольно намерением императора освободить крестьян, я почерпнул в этом новое побуждение изложить мою мысль”.

Из этого письма видно, что Канкрин по собственному почину составил свою записку об освобождении крестьян, озаглавленную в подлиннике “*Recherches sur l'origine et l'abolition du vasselage ou de la feodalite des cultivateurs, surtout en Russie*” (“Исследование о происхождении и отмене крепостного права или зависимости земледельцев преимущественно в России”). Записка эта была получена государем в такое время, когда мысль об освобождении крестьян была, кажется, уже окончательно сдана в архив. Правда, в 1816 году, вскоре после окончания Отечественной войны, изданы были эстляндские постановления,

на основании которых все крепостные люди Эстляндской губернии переходили в свободное состояние постепенно в течение четырнадцати лет с правом приобретения недвижимой собственности, и два года спустя на таких же основаниях были освобождены и курляндские крестьяне. Вообще император, по-видимому, был занят вопросом об облегчении участи крестьян, но он наталкивался на сильное противодействие со стороны просвещеннейших людей того времени и со стороны интеллигентных людей вообще, главный контингент которых составляли помещики. Растопчин, вместе с московскими дворянами, молил Господа: “Продли жизнь царя и мирное житие наше; утверди благоденствие наше навеки и избави нас от *лукавого*” (под лукавым подразумевалось освобождение крестьян). Карамзин в своей знаменитой записке “О древней и новой России” доказывал, что дворяне имеют исключительное право на землю, и выставлял все ужасные последствия, какие может иметь освобождение крестьян. “В заключение скажем доброму монарху, – писал он. – Государь, история не упрекнет тебя злом, какое прежде Тебя существовало, но Ты будешь ответственность Богу, совести и потомству за всякое вредное следствие Твоих собственных уставов”. Даже такой просвещенный деятель, как Карамзин, отрекался в своих известных записках от “прошедшего иступления”, требовал, чтобы помещик был “генерал-губернатором в малом виде”, “наследственным полицеймейстером” крестьян и за это пользовался бы “половиною их труда”, а так называемое общество, то есть преимущественно помещики, и слышать не хотели о такой радикальной реформе, пагубной для их благосостояния. Все это поколебало намерения государя. Со всех сторон он видел признаки нерасположения к тем планам, которые, может быть, не совсем отчетливо представлялись его уму. К тому же прежнее увлечение либеральными реформами уже совершенно охладело. И вот в такой-то момент Канкрин решился возвысить голос и высказаться чрезвычайно настойчиво в пользу освобождения крестьян с предоставлением им поземельной собственности. Вот как он напомнил о себе Петербургу.

Записка Канкринна так интересна, что мы не можем не рассмотреть ее подробнее. Канкрин прежде всего останавливается на отдельных фазисах, через которые прошел крестьянский вопрос в Европе. Его не удовлетворяет положение крестьянина в Англии, где он был освобожден без земли и поэтому остается простым поденщиком; он не сочувствует и положению крестьянина в других странах, где народ не владеет, а только пользуется землею и прикреплен к ней.

“Естественные последствия крепостного состояния, – продолжает он, – по самому свойству своему неограниченного, роскошь и разные другие причины, в особенности же не по силам предпринимаемые помещиками винокурные операции, необдуманное устройство разного рода фабрик, тягость подводной повинности привели наконец наших крестьян в ужасающее положение... С незапамятного времени не сделано в России ни одного шага к усовершенствованию в этом отношении... Вместе с тем достоверно и то, что почти никто не подозревает опасности покоиться на огнедышащей горе, потому что личные интересы, с одной стороны, с другой – сила обычая, освященного веками, наконец самые затруднения, сопряженные неминуемо со всякой переменой, не позволяют и ныне правильно смотреть на дело и успокаивают тревожные опасения других. Опасность эта, без сомнения, еще не так близка от нас, но для предотвращения зол такого рода следует принимать надлежащие меры гораздо ранее пагубной развязки”.

Из этих слов видно, как верно Канкрин оценил основное значение Французской революции, сохранив преданность тем идеалам, которые вдохновляли его, когда он двадцать лет

раньше писал свой роман о “войне за свободу”. Эти идеалы вместе с безотрадным положением русского народа побуждали Канкрин возвысить за него голос и предложить самый необходимый шаг на пути к созданию более нормальных условий в нашем отечестве.

Но возвратимся к записке Канкрин. Он, очевидно, имел сведения о том, что государь раньше намеревался “держаться системы, принятой в Лифляндии и Эстляндии, то есть соразмерить и облегчить повинности крестьян, оградить их от произвола помещиков, дозволить им приобретать собственность, – одним словом, составить новое точное и умеренное законоположение относительно крепостного состояния”. Канкрин смело возражает против этой мысли, признавая такую реформу недостаточной. “Благоговейно преклоняясь пред милосердною волею, желающей начертать подобное законоположение, – пишет он, – я вместе с тем смею полагать, что путь этот не только не лучший, но даже *ведет к заблуждению*”. Он аргументирует свое возражение следующим образом: “Составление новых постановлений, которые, не уничтожая крепостного права, клонились бы лишь к точному определению отношений обеих сторон, равняется увековечению крепостной зависимости”. Поэтому автор записки прямо требует отмены крепостного права и обеспечения экономического положения крестьян. Но он не довольствуется этим требованием, а указывает и на наиболее нормальный путь к осуществлению его мысли. С этой целью он предлагает целый план. В 1819 году должна быть учреждена комиссия для точного наблюдения за ходом дел. В 1820 году объявляется, что крестьяне имеют право приобретать землю и что дома и движимость составляют их неотъемлемую собственность. В 1822 году вся земля государственных крестьян разделяется по общинам, а земля каждой общины – по дворам с воспрещением дальнейшего передела, излишек же оставляется для новых дворов. Затем этот указ применяется и к помещичьим землям и одновременно подушная подать заменяется подворной (Канкрин, значит, уже тогда требовал отмены подушной подати). В 1825 году в точности определяются и уменьшаются повинности крестьян, и они сами становятся под покровительство лиц, назначенных правительством (Канкрин, следовательно, предусматривал необходимость образования мировых посредников). В 1827 году устанавливается право наследования дворами, вотчинный суд упраздняется, то есть крестьяне уже не подлежат суду помещиков. В 1830 году учреждается право первородства в имениях, в которых менее чем 250 душ, во избежание дробления земли, которое, по мнению Канкрин, вредно во многих отношениях. В 1835 году устраивается быт дворовых людей. В 1840 году назначается такса для выкупа крестьян с землею и без нее, и с этой целью учреждается заемный банк. В 1845 году вновь определяются повинности крестьян и окончательно отменяются последние остатки вотчинного суда. С 1850 года земля постепенно объявляется собственностью каждого семейства, даруется право перехода и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.